

Не охлѣбѣь единствѣ
бѣдетъ живѣ
человѣкъ.

Кому Церковь не
мать томъ
Богъ не отецъ

Св. Симѣонъ
Вологодскій Чудотв.

ЦЕРКОВНОЕ СЛОВО
ИЗДАНИЕ
КРАТСТВА ВСЕМОЩИВАГО
СЛОВА СПАСА

Св. Стефанъ
Первоуказанный

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.
Цѣна отд. № 5 н.

№ 133
(ЮНЬ).
1909.

ПОДПИСА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ. Бояся быть восхищени изъ среды живыхъ при самомъ совер-
шеніи грѣховъ.—Правду ли говорятъ?—Чѣмъ жива наша русская православная
душа. *Никона, Епископа Вологодскаго и Тотемскаго.*—Невѣроятное для
многихъ, но истинное происшествіе.

Прилагается къ Вслог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

БОЙСЯ БЫТЬ ВОСХИЩЕНУ ИЗЪ СРЕДЫ ЖИВЫХЪ ПРИ САМОМЪ СОВЕРШЕНІИ ГРѢХОВЪ.

Не говори: будетъ еще время, когда должно обратиться; такія слова весьма прогнѣвляють Бога. Почему? Потому что Онъ обѣщалъ тебѣ безконечныя вѣки, а ты не хочешь потрудиться и въ продолженіе настоящей жизни, краткой и скоропреходящей, и оказываешься такъ нерадивъ и малодушенъ, что ищешь даже этой кратчайшей жизни. Не тѣ же ли самыя у тебя ежедневно пиршества? Не тѣ же ли столы? Не тѣ же ли блудницы? Не тѣ же ли зрѣлища? Не тѣ же ли деньги? Долго ли будешь любить это, какъ нѣчто вѣчное? Долго ли будешь имѣть ненасытную похоть ко грѣху? Помысли, что сколько разъ ты соблудилъ, столько же разъ осудилъ самъ себя, потому что таково именно свойство грѣха: едва онъ совершенъ, какъ судія произноситъ уже приговоръ. Ты упивался, предавался пресыщенію, похищалъ чужое? Остановись же наконецъ, обратись на противный путь, воздай благодареніе Богу, что не восхитилъ тебя изъ среды живыхъ при самомъ совершеніи грѣховъ, и не желай, чтобы тебѣ дано было еще время дѣлать зло. Многіе лишились жизни въ то самое время, какъ предавались корыстолюбію, и отошли на явное мученіе. Бойся, чтобы и тебѣ не подвергнуться тому же безъ всякой надежды на оправданіе.

(Изъ твореній св. Іоанна Златоуста).

ПРАВДУ ЛИ ГОВОРЯТЪ? 1).

I.

Говорятъ: „Достаточно быть честнымъ человѣкомъ: это лучшая религія, и этого довольно“.

Да, этого довольно можетъ быть, чтобы не попасть на каторгу;

---

1) Тридцать семь лѣтъ назадъ вышла маленькая книжечка г. А. Колечниковой подъ заглавіемъ: „Отвѣты на главнѣйшія возраженія противъ вѣры истинной“. Отвѣты эти, написанные тепло, задушевно и убѣдительно, простымъ языкомъ, полезны и въ наше смутное время. Беремъ нѣсколько страницекъ изъ этой забытой книжки, чтобы познакомить съ нею нашихъ читателей.

но не достаточно, чтобъ достигнуть неба. Да, можетъ быть, этого довольно въ отношеніи къ людямъ, но недостаточно въ отношеніи къ Богу, верховному Судіи нашему.

Ты говоришь, что достаточно быть честнымъ человѣкомъ. Положимъ, что такъ: но надобно объяснить: скажи пожалуй, что ты разумѣешь подъ словами—честный человѣкъ?.. Это выраженіе мнѣ кажется слишкомъ гибкимъ; оно удобно поддѣлывается ко всѣмъ вкусамъ.

Спроси, напр., у этого молодого человѣка, можно ли, съ его испорченнымъ нравомъ и безпорядочнымъ поведеніемъ называться честнымъ человѣкомъ?..

Онъ, конечно, отвѣтитъ тебѣ, что шалости молодости не мѣшаютъ нисколько быть честнымъ человѣкомъ. А между тѣмъ, оскорбленный мужъ, у котораго онъ отнялъ семейное счастье, бѣдная мать, у которой погибла дочь, соблазненная имъ,—думаютъ, конечно, иначе.

Спроси у того алчнаго торговца, который поддѣлываетъ свой товаръ, чтобъ продавать его за лучшей; спроси у ремесленника, который работаетъ вдвое менѣе, когда его нанимаютъ, поденно, а не на урокъ; спроси у того хозяина, который пользуется бѣдностью своихъ работниковъ, чтобъ заставлять ихъ трудиться выше силъ, и за самую дешевую плату, спроси у нихъ всѣхъ,—могутъ ли они, при такихъ неправыхъ дѣйствіяхъ, почитать себя честными людьми? И они отвѣтятъ, что эти уловки доказываютъ только ихъ умѣнье соблюдать свои выгоды...

Спроси у мота, у скряги, у пьяницы,—честные ли они люди? И отъ всѣхъ получишь утвердительный отвѣтъ.

И такъ, по мнѣнію всѣхъ этихъ людей, развратникъ, обманщикъ, ростовщикъ и тотъ, кто раззорилъ свое семейство, можетъ быть честнымъ человѣкомъ, если онъ не обличенъ гражданскими законами, какъ воръ или убійца?..

Не находишь ты этихъ правилъ весьма удобными?.. Слѣдовательно, тотъ, кто не подвергся уголовному суду, не дастъ отчета Богу, хотя бы дѣянія его причинили много бѣдъ ближнему?..

Такъ вотъ какова религія честнаго человѣка! И это ты называешь лучшею и достаточною религіею?.. Скажи, то ли ты разумѣлъ, утверждая свое мнѣніе?

„Нѣтъ, возражаешь ты; подъ словами „честный человѣкъ“ я разумѣю болѣе, нежели обыкновенно полагаютъ; я называю честнымъ человѣкомъ того, кто исполняетъ хорошо всѣ свои обязанности, который дѣлаетъ добро и избѣгаетъ зла“.

На это я отвѣчаю тебѣ утвердительно, что если ты считаешь себя такимъ, какъ объяснилъ, и достигъ этого безъ помощи религіи, то ты долженъ быть осьмое чудо въ свѣтѣ. Но не сердись, если скажу, что можно прозакладывать голову на томъ, что ты не таковъ, какъ говоришь...

Дѣйствительно, могу ли я повѣрить, чтобъ у тебя не было страстей и худыхъ наклонностей?.. каждый человѣкъ имѣетъ ихъ и—очень много. Если ты, напр. склоненъ къ своеволію, къ невоздержности, къ чувственнымъ удовольствіямъ, кто же тебя удержитъ въ предѣлахъ умѣренности? Если ты увлекаешься къ жестокости, къ лѣности, къ гордости, кто тебя укротитъ? кто удержитъ твою руку, обуздаетъ твой языкъ?.. Голось разсудка, что ли? но мы знаемъ, что сможетъ этотъ восхваляемый разсудокъ, когда онъ въ борьбѣ съ сильною страстью!.. И такъ, что же кромѣ страха Божія можетъ дать тебѣ силу побѣждать самого себя?.. Мы видимъ, что всѣ человѣческіе законы и казни недостаточны удержать отъ преступленія: а сколько же, сверхъ того, есть зла недоступнаго правосудію человѣческому?..

Одна хрістіанская вѣра сильна обуздать порывы страстей нашихъ; Она даже сильна искоренить ихъ совершенно. Безъ ея могущественной помощи, мы не можемъ быть постоянно вѣрны всѣмъ труднымъ обязанностямъ, коихъ исполненіе и составляетъ отличительное свойство истинно честнаго человѣка. Безъ вѣры хрістіанской мы не можемъ исполнить долга съ тѣмъ прямушіемъ, которое есть признакъ высокаго нравственнаго достоинства.

Если хрістіане самые добродѣтельные, не смотря на сверхъестественную силу, которую почерпаютъ въ вѣрѣ, преступаютъ иногда свои обязанности,—такъ велика слабость человѣческая!—то какъ же ты, лишенный этой благодатной помощи, этой крѣпкой узды, ты, оставленный на произволъ естественныхъ наклонностей, подверженный безчисленнымъ соблазнамъ мірской жизни,—какъ можешь надѣяться, что останешься навсегда вѣренъ долгу?..

И такъ, смѣло утверждаю, что тотъ, кто, не бывъ хрістіаниномъ, почитаетъ себя честнымъ человѣкомъ въ обширномъ смыслѣ нами указанномъ, тотъ грубо обманываетъ себя, или говоритъ недобросовѣстно.

Но я иду еще далѣе. Еслибы даже я видѣлъ, что ты исполняешь до точности свои обязанности гражданина, отца, супруга, сына, друга, однимъ словомъ, весь долгъ честнаго, по мнѣнію свѣта, человѣка, я и тогда сказалъ бы тебѣ, что этого недостаточно!..

Нѣтъ, этого недовольно!—а почему? Потому, что есть Богъ, живущій на небесахъ, Который создалъ тебя, хранить тебя, призываетъ къ Себѣ, и Который далъ тебѣ законъ, потому ты имѣешь въ отношеніи къ Богу обязанность—поклоняться Ему, благодарить Его, молить Его. И эти обязанности столь же неоспоримы и еще необходимѣе, чѣмъ обязанности къ ближнему; эти послѣднія—дѣйствительно—могли бы прекратиться, еслибъ пришлось по какому либо случаю тебѣ жить вдали отъ общества человѣческаго; но и тогда, какъ всегда и вездѣ, твои обя-

занности къ Богу остались бы неизмѣнными: вездѣ и всегда ты долженъ вѣровать въ Него, поклоняться Ему, молить и любить Его.

Можетъ ли неблагодарный сказать себѣ по совѣсти: „я добръ“, мнѣ не въ чемъ упрекнуть себя?.. Конечно, нѣтъ!.. А ты—неблагодарный, если забываешь Бога, хотя бы міръ признавалъ тебя честнымъ человѣкомъ!—Богъ есть Отецъ твой небесный, ты отъ Него получилъ бытіе, разумъ, нравственное достоинство, здоровье, всѣ блага: Онъ создалъ міръ для тебя, для твоей пользы и удовольствія; Онъ готовитъ тебѣ на небѣ неизреченное блаженство; Онъ твой Господь и Владыка; Онъ благословляетъ тебя и прощаетъ, любитъ, Онъ ждетъ тебя!.. А ты, чѣмъ воздашь Ему за все? какой любовью, какимъ благоговѣніемъ?... Ты хладнокровно усвояешь себѣ всѣ предлоги, изобрѣтенные Его врагами, чтобы освободить себя отъ служенія Ему! Ты осыпаешь насмѣшками, презрѣніемъ, ругательствами все, что относится къ Богослуженію! Ты не молишь Его, не поклоняешься Ему, не благодаришь Его! ты издѣваешься надъ вѣрою въ слово Его, надъ исполненіемъ Его священнаго закона!..

Неблагодарный!.. и ты говоришь, что тебѣ не въ чемъ упрекнуть себя, что ты исполняешь всѣ свои обязанности?..

Перестань обольщаться! Къ чему обманывать себя!? Къ чему скрывать свою виновность?..

Сознаемся лучше, что иго вѣры хрістіанской, то есть истиннаго долга, устало насъ, и чтобы свергнуть его съ меньшею наглостью, мы придумали эту религію честнаго человѣка, которая не только недостаточна, но есть не что иное, какъ звучное слово безъ смысла, изобрѣтенное на то, чтобы въ очахъ свѣта и нашихъ собственныхъ, прикрывать беспорядки и слабости ваши.

Чѣмъ жива наша русская православная душа.

(Окончаніе).

XXIII.

Если читатель мой желаетъ меня еще послушать, то расскажу ему то, что слышала отъ одной почтенной старицы, очень образованной особы, вѣрующей и сердцемъ смиренной рабы Божіей.

— Купалась я въ лиманѣ, около Одессы, и во время купанья потеряла шейный золотой крестикъ. Не жаль мнѣ было золота, а жаль было благословенія Божія: вѣдь этотъ крестикъ былъ возложенъ на меня при святомъ крещеніи моею матерью крестной—старшею сестрою, которой дай Богъ вѣчную память!.. И никакъ не могла я забыть потери своей: все жаловалась Богу на свое небреженіе, укоряла себя за неосторожность. Да и то думалось: вотъ, плохая, видно, я хрістіанка, что и крестъ мой благодатный, отъ крещенія на меня возложенный, отнять у меня!

И ходила я тогда понурая, повѣсивъ голову, будто чего искала. Прошло такъ недѣли двѣ. Тоска моя не проходила. Разъ иду я къ купальнѣ, а на встрѣчу мнѣ молодая дѣвушка, полька.

— Сударыня!—окрикнула она меня: что это вы какъ будто чего-то ищите?

— Ищу того, чего найти нельзя,—отвѣтила я и повѣдала ей свое горе.

— Да не вашъ ли это крестикъ?—говорить она и вынимаетъ изъ кармана мой крестикъ.

— Родная моя!—кинулась я ей на шею въ слезахъ благодарности: да гдѣ тебѣ Богъ его послалъ?

— Я пришла въ купальню и вижу: что то блеститъ въ водѣ. Достала—крестикъ!

Я не знала, какъ и благодарить ее; судя по одеждѣ, вижу, что она не богатая, хотѣла ей дать рублей пять, но та отклонила и даже какъ будто обидѣлась.

— Богъ съ вами! Развѣ за это берутъ?!

Пришлось извиниться и на словахъ поблагодарить еще разъ мою благодѣтельницу.

— Такъ Господь утѣшилъ меня грѣшную!—заклчила свой рассказъ добрая старица.

Разсказалъ я эти два проявленія Божія милосердія къ дѣтямъ-людямъ одной сельской матушкѣ изъ Костромской губерніи, а она повѣдала мнѣ то, что съ нею было.

— Жала я въ полѣ и потеряла кольцо. А кольцо то было отъ мошей великаго угодника Божія преподобнаго Сергія, тамъ, на его мощахъ и освященное. И горько мнѣ стало: не сумѣла я сохранить благословеніе преподобнаго, видно я грѣшница недостойна его. И плакала я, и молилась, чтобъ угодникъ Божій простилъ мнѣ мое недостойнство.

Прошло два-три мѣсяца. Сушила я въ печи маленькіе коло-сики „спашки“ для корма скоту. Стала выгребать изъ печи—катится ко мнѣ мое кольцо! И какъ же я радовалась, какъ благодарила угодника Божія, что вернулъ онъ мнѣ мое благословеніе!

Надо же было „случиться“, чтобы кольцо упало не на землю, а на снопъ; чтобы оно не упало изъ снопа, когда его бросали на возъ, когда перевозили снопы на гумно; чтобы при молотбѣ кольцо попало въ ворохъ колосьевъ и съ колосьями—въ мѣшокъ; чтобы при высыпкѣ колосьевъ въ печь не упало какъ-нибудь незамѣтно на полъ, чтобы изъ печи выкатилось прямо въ руки хозяйки, при томъ—не такой, которая отнеслась равнодушно къ потерѣ, а къ той, которая слезно молилась преподобному!... Да, только безсердечный невѣръ скажетъ, что это все случайности!

Но вѣдь и этого мало. Матушка снова потеряла свое благословенное кольцо, когда рыла картофель въ огородѣ. Долго искала

и не могла его найти. Картофель просушили на солнцѣ, собрали въ мѣшки и убрали въ подклѣтъ. Матушка опять заплакала, опять усердно помолилась преподобному и кольцо снова нашлось. Пишущій сіи строки видѣлъ это чудесное кольцо. „Я не знаю,—говорила вѣрующая душа, что и будетъ со мною, если я лишусь этого кольца: чрезъ него я получаю особую милость Божію въ своей нелегкой семейной жизни“.

Замѣтимъ кстати: сыны вѣка сего иногда упрекають иноковъ за продажу иконъ, колець, крестиковъ, поясковъ и подобныхъ предѣловъ, покупаемыхъ вѣрующими на память о посѣщеніи святой обители и въ благословеніе себѣ. Но такія вещи сколько приносятъ утѣшенія вѣрующей душѣ! Онѣ разносятся за тысячи верстъ паломниками и тамъ благоговѣнно хранятся православными какъ дорогія святыни. Ничтожны по цѣнѣ крестикъ или поясокъ, колечко или иконочка, но подарите эту вещицу своему малюткѣ и скажите, что это—отъ угодника Божія съ его святыхъ мошей, что это—его благословеніе, и дитя будетъ хранить ихъ до гробовой доски. Взирая на вещь, онъ будетъ духовными своими очами какъ бы взирать на самого угодника Божія. И по вѣрѣ вѣрующихъ въ простотѣ сердца Господь творитъ чудеса даже чрезъ эти неодушевленные вещи. Да чему и удивляться: вспомните *гловотяжи и убрисцы* апостола Павла, которые имѣли благодатную силу исцѣлять болящихъ, о чемъ повѣствуетъ богоглаголивый евангелистъ Лука въ дѣяніяхъ апостольскихъ (Дѣян. 19, 12). Вспомните и тѣнь апостола Петра, имѣвшую такую же благодатную силу (Дѣян. 5, 15). А ометы Христовы, исцѣлившія кровоточивую однимъ къ нимъ прикосновеніемъ? Дивенъ Богъ не только во святыхъ Своихъ, но во всѣхъ дѣлѣхъ Своихъ! Слава неизреченной благодати Его!...

XXIV.

Размышляя благоговѣнно о великомъ снисхожденіи Господа къ немощамъ нашимъ, о Его утѣшающей насъ любви, невольно приходишь къ глубокопоучительному и столь благопотребному для насъ убѣжденію, что если Онъ, милосердый, слышитъ дѣтскій лепетъ нашъ касательно такъ называемыхъ „мелочей“ нашей жизни, то уже нѣтъ никакого сомнѣнія, что Онъ всегда услышитъ—ей услышитъ!—если мы повѣдаемъ Ему затрудненія наши въ обстоятельствахъ болѣе важныхъ, имѣющихъ рѣшающее значеніе во всей нашей жизни. Ничего нѣтъ для насъ лучше святой воли Его: и такъ—будемъ всегда просить, чтобы и въ насъ, и на насъ, и чрезъ насъ совершалась единая всеблагая Его воля! Будемъ къ Нему прибѣгать, Его вопрошать въ случаяхъ особенно затруднительныхъ: что речетъ Онъ о насъ? Что дѣлать намъ? Куда идти? И Онъ скажетъ, непременно скажетъ о насъ святую волю Свою!

Повѣдалъ мнѣ однажды въ дружеской бесѣдѣ одинъ святи-
тель Божій, какъ Господь открылъ ему волю Свою чрезъ малаго
младенца.

— Былъ я сельскимъ священникомъ,—говорилъ онъ, и рано
взялъ Господь подругу моей жизни. Всѣ 40 дней послѣ ея кон-
чины я плакалъ предъ престоломъ Божиимъ, совершая ежедневно
заупокойныя литургии. Боялся я за свою молодость, духовную
неопытность. И пришло мнѣ на мысль: просить Господа, чтобы
сказалъ Онъ Свою святую волю о мнѣ чрезъ малютку—трех-
лѣтнюю дочку мою. Горячо помолился я объ этомъ въ сороко-
вой день по кончинѣ моей жены; прихожу изъ церкви, малютка
бѣжитъ ко мнѣ на встрѣчу съ своею дѣтскою ласкою. Я взялъ
ее на руки, сѣлъ къ столу и, лаская ее, спросилъ: а что, милая
моя, если я уйду въ монахи—будешь ты плакать обо мнѣ?

— Нѣтъ, не буду!—отвѣчала она.

— А съ кѣмъ же ты останешься?

— А я къ бабусѣ уйду!

Слезы брызнули у меня изъ глазъ: я рѣшился и въ тотъ же
день написалъ прошеніе преосвященному уволить меня отъ при-
хода для поступленія въ духовную академію. И благодарю моего
Господа, Который добрѣ устроилъ и мою и моей дочери судьбу...

XXV.

Въ настоящихъ замѣткахъ моихъ я не ставилъ себѣ задачей
дать полный отвѣтъ на поставленный мною въ заголовкѣ во-
просъ: *Чѣмъ жива православная русская душа*; мнѣ хотѣлось
лишь подѣлиться тѣмъ матеріаломъ, какой скопился въ моей па-
мяти для рѣшенія сего великой важности вопроса. Но я погрѣ-
шилъ бы, если бы не упомянулъ хотя кратко еще объ одномъ
явленіи въ церковной жизни, которое какъ-то незамѣтно для
историковъ, тихо, смиренно, но тѣмъ не менѣе могущественно
воздѣйствуетъ на всю духовную жизнь православныхъ людей,
вѣрныхъ родной своей Церкви, и которое особенно благотворно
проявило себя въ духовной жизни нашего добраго, на церков-
ныхъ началахъ воспитаннаго, простаго народа. Я говорю о стар-
чествахъ.

Великое, святое дѣло творять въ святыхъ обителяхъ тѣ старцы,
которыхъ Господь позвалъ на служеніе народу словомъ назиданія
и мудраго духовнаго окормленія. Они дѣлаютъ во смиреніи
дѣло апостольское, продолжаютъ дѣло Самого Господа. Училъ
Онъ и въ домѣ и въ храмѣ, и въ синагогахъ и въ пустынѣ, и съ
лодки Галилейскаго озера и на горѣ блаженствъ. И падало
благодатнымъ сѣменемъ святое слово Его на сердца человѣче-
скія, и приносило плодъ сторицею... Послѣдую ему и святые Бо-
жій ни единого случая не опускали, когда было можно заронить
въ сердце человѣческое сѣмя благодатной жизни. Сами они не

напрашивались по смиренію своему на это дѣланіе, но когда Господь призывалъ ихъ на это, творили дѣло Божіе со всею ревностію.

Въ глубокой древности мы видимъ умиленную картину въ отдаленной отъ жилищъ людскихъ Оивайдской пустынѣ: подъ палящими лучами солнца сидитъ у своей пещеры великій старецъ Антоній и бесѣдуетъ съ народомъ. А къ нему собралось многое множество народа отовсюду: тутъ и соотечественники его египтяне, тутъ и греки, тутъ и пришельцы изъ отдаленнаго Рима. Вотъ по Нилу къ нему прибылъ инокъ Евлогій изъ Александріи съ безрукимъ и безногимъ калѣкой, чтобы разсудилъ великій авва: что ему дѣлать, какъ умиротворить этого калѣку, находящагося въ искушеніи. И старецъ издалека провидитъ духомъ великую скорбь сего инока и внѣ очереди вызываетъ его къ себѣ, называя по имени, хотя никогда его дотолѣ не зналъ, и творитъ старецъ дѣло великое, умиротворяетъ двухъ людей, которые вскорѣ должны отойти въ иной міръ... И тысячи страждущихъ душъ находятъ у него утѣшеніе, умиротвореніе, съ Богомъ примиреніе.

Проходятъ вѣка, старчество не умираетъ въ обителяхъ. Оно воспитываетъ иноковъ, не отказывая и мірянамъ въ духовной милостынѣ изъ неистощимой сокровищницы опыта духовнаго. Черезъ старцевъ совершается дивное дѣло любви Божіей къ тѣмъ, кто хочетъ отсѣчь свою волю предъ волею Божіей, кто искренно ищетъ Божьяго пути въ своей жизни. Святые отцы говорятъ, кто хочетъ узнать волю Божию искренно, во смиреніи, тому и малый младенецъ ее скажетъ, что мы и видѣли выше,—тѣмъ паче мужъ, умудренный духовнымъ опытомъ. И вотъ, народъ ищетъ всюду такихъ старцевъ, ищетъ и по вѣрѣ своей обрѣтаетъ. Читайте житія древнихъ подвижниковъ, читайте жизнеописанія новыхъ—всюду вы видите въ лицѣ ихъ любвеобильнѣйшихъ руководителей въ духовной жизни для всѣхъ, кто шелъ къ нимъ съ открытою душой. Что видѣли мы въ древней Оивайдѣ, то творится и доселѣ въ святыхъ обителяхъ, гдѣ еще не угасла иноческая жизнь. Вспомните умиленные картины въ жизнеописаніи Оптиныхъ старцевъ Леонида, Макарія, Амвросія... Тѣ же толпы православнаго люда всѣхъ сословій, половъ и возрастовъ, тѣ же любвеобильные старцы, терпѣливо внимлющіе исповѣданію немощей человѣческихъ, любовно врачующіе ихъ.. Даже подробности иногда тѣ же... Недавно мнѣ пришлось слышать трогательный разсказъ старицы инокини о томъ, какъ она въ молодости, поживъ нѣсколько лѣтъ въ монастырѣ, покинула его, хотѣла жить въ міру, но, по настоянію отца, предварительно рѣшилась обратиться къ богомудрому старцу Оптиной пустыни о. Макарію. Старецъ принялъ ее вмѣстѣ съ народомъ на гостинницѣ и вотъ что говорила она:

— Лишь только съѣлъ онъ на поданный ему стулъ, какъ сейчасъ же онъ подозвалъ меня и поставилъ рядомъ съ собой. Боже мой! Съ какими скорбями не подходили къ нему измученные жизнью люди, прося его совѣта! И я была невольной свидѣтельница раскритія предъ старцемъ всѣхъ этихъ ужасныхъ людскихъ невзгодъ. Но при всемъ этомъ во мнѣ невольно мелькнула искуссительная мысль: „сколько ты, старикъ, меня ни уговаривай, а я всетаки замужъ выйду!“ Но лишь только успѣла прогнестись въ моемъ умѣ эта мысль, какъ старецъ быстро обернулся ко мнѣ и ударивъ меня пальцемъ правой руки, сказалъ строго: „ты мыслишь: сколько меня ты, старикъ, ни уговаривай, а я всетаки замужъ выйду? Такъ знай: если ты не выбросишь изъ своей головы этой безумной мысли, то тебя строго накажетъ Царица Небесная и всетаки не допуститъ до исполненія твоего желанія“. Слова эти какъ громомъ меня поразили, я упала предъ нимъ на колѣни и горько зарыдала. Когда я нѣсколько успокоилась, я спросила его: „батюшка, что же мнѣ теперь дѣлать? Вернуться ли опять въ тотъ монастырь, откуда вышла, или благословите въ другой?“ Старецъ отечески ласково взглянулъ на меня и сказалъ: „въ тотъ монастырь, откуда ушла, не ходи: тебѣ тамъ будетъ тяжело и ты не вынесешь, а иди въ Москву, тамъ тебѣ Царица Небесная укажетъ путь“...

И юная послушница пошла, не заходя и въ домъ родительскій, въ Москву, и Царица Небесная устроила ее въ одномъ изъ подмосковныхъ монастырей, гдѣ она и дожила до глубокой старости...

Какъ видите — повтореніе того же явленія, какое разсказано въ патерикахъ объ Антоніи Великомъ. Строгое вразумленіе съ одной стороны и всецѣлое послушаніе съ другой... Такова духовная природа старчества: въ своей сущности это есть полное отрѣченіе своей воли и своего мышленія въ исканіи единой благой и всесовершенной воли Божіей съ готовностью всецѣло подчиниться ей. И ее-то, волю Божію, ищетъ нашъ народъ у старцевъ, въ исканіи ея онъ идетъ въ отдаленнѣйшія обители къ схимникамъ, ищетъ и у такихъ богопросвѣщенныхъ мужей-пастырей, какимъ Господь благословилъ наше отечество въ столь тяжелую годину бѣдствій въ лицѣ почившаго старца Божія Кронштадтскаго о. протоіерея Іоанна Ильича Сергіева...

Для вѣрующей души такіе старцы являются живыми посредниками между небомъ и землею: они какъ бы стоятъ, въ сознаніи вѣрующихъ, во вратахъ небесныхъ и, внимая скорбямъ и недоумѣніямъ немощныхъ людей, возносятъ эти скорби, эти смиренные вздохи сыновъ Церкви къ Богу Спасителю и своею святою молитвою низводятъ оттуда Божіе благословеніе, Божіе вразумленіе, Божію помощь и благодатный миръ. Такимъ и былъ присноублажаемый нашъ батюшка о. Іоаннъ; такимъ былъ о. Амвросій Оптинскій, такими были всѣ Богомъ умудряемые старцы-

подвижники, имена коихъ съ благоговѣніемъ поминаются вѣрующими на молитвѣ и обитаютъ въ благодарныхъ сердцахъ ихъ духовныхъ дѣтей. Тепло и уютно живетъ русскому православному человѣку, когда онъ знаетъ, что есть къ кому обратиться въ своей скорби, въ своихъ немощахъ, въ своемъ мучительномъ недоумѣніи... Вѣчная имъ память—почившимъ и да хранить Господь тѣхъ немногихъ, которые нынѣ укрываются отъ всякой похвалы и славы людской въ святыхъ нашихъ обителяхъ...

Итакъ, вотъ чѣмъ жива наша русская православная душа, вотъ въ чемъ ея завѣтное сокровище и благодатный источникъ жизни нашего народнаго духа. Она жива благодатнымъ общеніемъ съ небомъ, союзомъ любви всѣхъ членовъ Церкви Божіей, живыхъ и къ Богу отшедшихъ, жива таинствами Церкви, смиреніемъ и святымъ послушаніемъ Божіей волѣ. Берегите же, рускіе православные люди, это святое сокровище ваше яко зѣницу ока! Пока его не утратите—и Господь не оставитъ васъ, и въ вашемъ сердцѣ будетъ звучать Его обѣтованіе: *не бойся, малое стадо: се Азъ съ вами есмь!*.. А если потеряете это сокровище, то все потеряете, и погаснетъ въ сердцахъ вашихъ свѣточъ вѣры спасающей, порвется живое общеніе съ небомъ, и отвратитъ Господь лице Свое отъ насъ, и погибнетъ тогда наша Русь грѣшная, ибо не будетъ смысла въ продолженіи ея историческаго бытія...

Страшенъ судъ Твой, Господи, для народовъ земныхъ, но не вниди въ судъ съ грѣшнымъ народомъ Русскимъ; вѣруемъ, что о семъ молить Тебя Пречистая Матерь Твоя и святые угодники-печальники Русской земли!

Никонъ, епископъ Вологодскій и Тотемскій.

Невѣроятное для многихъ, но истинное происшествіе. 1)

I.

Многіе нашъ вѣкъ (разумѣю XIX, ибо XX такъ еще юнъ, что было бы много для него чести считаться съ нимъ и давать ему опредѣленія, какъ вѣку), называютъ „вѣкомъ отрицанія“, и объясняютъ такую характерную особенность его духомъ времени.

Не знаю, возможны ли тутъ вообще такія подобія эпидемій, повѣтрій, но несомнѣнно, что, кромѣ этихъ, такъ сказать, эпи-

1) Разказъ этотъ напечатанъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. По поводу его въ свое время мы имѣли переписку съ авторомъ, который подтвердилъ истинность происшества, присовокупивъ, что лицо, отъ имени коего ведется разказъ, послѣ описаннаго событія попустило въ монастырь. Въ виду того, что все повѣданное здѣсь не противорѣчитъ церковнымъ возрѣніямъ на таинство смерти и загробную жизнь, находимъ полезнымъ перепечатать разказъ въ нашемъ изданіи.

демических отрицаний, не мало есть у насъ и такихъ, которыя всецѣло выросли на почвѣ нашего легкомыслія. Мы зачастую отрицаемъ то, чего совсѣмъ не знаемъ, а то, о чемъ слышали, то не продумано у насъ, и тоже отрицается,—и этого непродуманнаго накаплиются цѣлые вороха, и въ головѣ получается невообразимый хаосъ; какіе то обрывки разныхъ и иногда совсѣмъ противорѣчивыхъ ученій, теорій, и ничего послѣдовательнаго, цѣльнаго, и все поверхностное, неясное и туманное для насъ самихъ, до полной невозможности разобраться въ чемъ-нибудь. Кто мы, что мы, во что вѣруемъ, какой носимъ въ душѣ идеаль и есть ли онъ у насъ—все это для многихъ изъ насъ такія же невѣдомыя вещи, какъ міросозерпаніе какого-нибудь Патагонца или Бушмена. И удивительная странность здѣсь: кажется, никогда люди не любили такъ много разсуждать, какъ въ нашъ „просвѣщенный“ вѣкъ, и рядомъ съ этимъ самихъ себя не хотятъ осмыслить. Говорю это и по наблюденіямъ надъ другими, и по личному сознанію.

Не буду вдаваться здѣсь въ общую характеристику моей личности, такъ какъ это не къ дѣлу, и постараюсь представить себя читателю только въ моихъ отношеніяхъ къ религіозной области.

Какъ выросшій въ православной и довольно набожной семьѣ и затѣмъ учившійся въ такомъ заведеніи, гдѣ невѣріе не почиталось признакомъ геніальности ученика, изъ меня не вышелъ ярый, завзятый отрицатель, какими были большинство молодыхъ людей моего времени. Получилось изъ меня, въ сущности, что то весьма неопредѣленное: я не былъ атеистомъ и никакъ не могъ считать себя сколько-нибудь религіознымъ человѣкомъ, а такъ какъ то и другое являлось не слѣдствіемъ моихъ убѣжденій, но сложилось лишь въ силу извѣстной обстановки, то и прошу читателя самого подыскать должное опредѣленіе моей личности въ семъ отношеніи.

Официально я носилъ званіе хрістіанина, но несомнѣнно, никогда не задумался надъ тѣмъ, имѣю ли я, дѣйствительно, право на такое званіе, никогда мнѣ даже и въ голову не пришло повѣрить—чего требуетъ оно отъ меня и удовлетворяю ли я его требованіямъ? Я всегда говорилъ, что я вѣрую въ Бога, но если бы меня спросили, какъ я вѣрую, какъ учить вѣровать въ Него Православная Церковь, къ которой я принадлежалъ, я, несомнѣнно, сталъ бы втупикъ. Если бы меня послѣдовательно и обстоятельно—спросили, вѣрую ли я, напимѣрь, въ спасительность для насъ воплощенія и страданій Сына Божія, въ Его второе пришествіе, какъ Судіи, какъ отношусь я къ Церкви, вѣрую ли въ необходимость ея учрежденія, въ святость и спасительность для насъ ея таинствъ и проч.,—я воображаю только, какъ нелѣпостей наболталъ бы я въ отвѣтъ.

Вотъ обращикъ:

Однажды бабушка моя, которая сама всегда строго соблюдала постъ, сдѣлала мнѣ замѣчаніе, что я не исполняю этого.

— Ты еще силенъ и здоровъ, аппетитъ у тебя прекрасный, стало быть, отлично можешь кушать постное. Какъ же не исполнять даже и такихъ установленийъ Церкви, которыя для насъ и не трудны?

— Но это, бабушка, совсѣмъ безсмысленное установленіе, возразилъ я.—Вѣдь и вы кушаете только такъ, машинально, по привычкѣ, а осмысленно никто такому учрежденію подчиняться не станетъ.

— Почему же безсмысленное?

— Да не все ли равно Богу, что я буду ѣсть: ветчину или балыкъ?

Неправда ли, какая глубина понятій образованнаго человѣка о сущности поста!

— Какъ же это ты такъ выражаешься? продолжала, между тѣмъ, бабушка.—Развѣ можно говорить: безсмысленное установленіе, когда Самъ Господь постился?

Я былъ удивленъ такимъ сообщеніемъ, и только при помощи бабушки вспомнилъ евангельское повѣствованіе объ этомъ обстоятельстве. Но то, что я совсѣмъ забылъ о немъ, какъ видите, нисколько не мѣшало мнѣ пуститься въ возраженія, да еще довольно высокомернаго тона.

И не подумайте, читатель, чтобъ я былъ пустоголовѣе, легкомысленнѣе другихъ молодыхъ людей моего круга.

Вотъ вамъ еще одинъ образецъ.

Одного изъ моихъ сослуживцевъ, и еще слышшаго за человѣка начитаннаго и серьезнаго, спросили: вѣруеть ли онъ въ Христа, какъ въ Богочеловѣка? Онъ отвѣчалъ, что вѣруеть, но сейчасъ же изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что воскресеніе Христа онъ отрицаетъ.

— Позвольте, да вы же говорите что-то очень странное, возразила одна пожилая дама.—Что же, по вашему, далѣе воспо- слѣдовало со Христомъ? Если вы вѣруете въ Него, какъ въ Бога, какъ же, вмѣстѣ съ этимъ, вы допускаете, что Онъ могъ совсѣмъ умереть, то-есть прекратить Свое бытіе?

Мы ждемъ какого-нибудь хитроумнаго отвѣта отъ нашего умника, какихъ-нибудь тонкостей въ пониманіи смерти или новаго толкованія означеннаго событія. Ничуть не бывало. Отвѣчаетъ просто:

— — Ахъ, этого я не сообразилъ! Сказалъ—какъ чувствовалъ.

II.

Вотъ совершенно подобная же несообразность засѣла и, по недосмотру, свила себѣ прочное гнѣздо и въ моей головѣ.

Я вѣровалъ въ Бога какъ будто такъ, какъ и слѣдовало, то-

есть понималъ Его какъ Существо личное, всемогущее, вѣчное; признавалъ человѣка Его твореніемъ, но въ загробную жизнь не вѣрилъ.

Недурною иллюстраціей къ легкомыслию нашихъ отношеній и къ религіи, и къ своему внутреннему устроенію можетъ служить то, что я и не зналъ въ себѣ этого невѣрія, пока, такъ же, какъ и вышеупомянутаго моего сослуживца, его не обнаружилъ случай.

Судьба столкнула меня въ знакомствѣ съ однимъ серіознымъ и очень образованнымъ человѣкомъ; онъ былъ при этомъ и чрезвычайно симпатиченъ и одинокъ, и я отъ времени до времени охотно посѣщаль его.

Придя однажды къ нему, я засталъ его за чтеніемъ катехизиса.

— Что это вы, Прохоръ Александровичъ (такъ звали моего знакомаго), или въ педагоги собираетесь?—удивленно спросилъ я, указывая на книжку.

— Какое, батенька мой, въ педагогич! Хоть бы въ школьники порядочные попасть. Гдѣ ужъ другихъ учить! Самому надо къ экзамену готовиться. Вѣдь сѣдина-то, видите, чуть не съ каждымъ днемъ увеличивается, того и гляди вызовутъ,—со своею обычною добродушною улыбкой проговорилъ онъ.

Я не принялъ его словъ въ подлинномъ значеніи, подумавъ, что ему, какъ человѣку всегда много читающему, просто понадобилась какая-нибудь справка въ катехизисѣ. А онъ, желая, очевидно, объяснить странное для меня чтеніе, сказалъ:

— Много всякой современной чепухи читать приходится, вотъ и повѣряю себя, чтобы не сбиться. Вѣдь экзамень-то намъ предстоитъ грозный, грозный ужъ тѣмъ, что никакихъ перерезокъ не дадутъ.

— Но неужели же вы вѣрите этому?

— То-есть какъ же это не вѣрить? Куда же я дѣнусь, позвольте узнать? Неужели такъ-таки и разсыплюсь въ прахъ? А если не разсыплюсь, такъ ужъ тутъ и вопроса не можетъ быть о томъ, что къ отвѣту потребуютъ. Я не пень, я съ волей и разумомъ, я сознательно жилъ и... грѣшилъ...

— Не знаю, Прохоръ Александровичъ, какъ и изъ чего могла сложиться у васъ вѣра въ загробную жизнь. Думается, умеръ человѣкъ—и всему тутъ конецъ. Видишь его бездыханнымъ, все это гниетъ, разлагается, о какой же жизни можетъ явиться тутъ представленіе?—проговорилъ я, тоже высказывая, что чувствовалъ и какъ стало-быть сложилось у меня понятіе.

— Позвольте, а куда же Лазаря Вифанскаго прикажете мнѣ дѣвать? Вѣдь это фактъ. И онъ вѣдь такой же человѣкъ, изъ той же глины слѣпленъ, что и я.

Я съ нескрываемымъ удивленіемъ смотрѣлъ на моего себе-

сѣдника. Не ужели же этотъ образованный человѣкъ вѣрить такимъ невѣроятностямъ?

А Прохоръ Александровичъ, въ свою очередь, посмотрѣлъ на меня пристально съ минуту и затѣмъ, понизивъ голосъ, спросилъ:

— Или вы невѣрь?

— Нѣтъ, почему же? Я вѣрую въ Бога, отвѣтилъ я.

— А богооткровенному ученію не вѣрите? Впрочемъ, нынче и Бога стали различно понимать, и богооткровенную истину сталъ чуть не каждый по своему усмотрѣнію передѣлывать, какія-то классификаціи тутъ позавели: въ это, молъ, должно вѣрить, а въ это можно и не вѣрить, а въ это и совсѣмъ не надо вѣрить! Какъ будто истинъ нѣсколько, а не одна. И не понимаютъ, что они ужъ вѣруютъ въ продукты собственнаго ума и воображенія, и что если такъ, тогда ужъ для вѣры въ Бога тутъ нѣтъ мѣста.

— Но нельзя же всему вѣрить. Иногда встрѣчаются такія странныя вещи...

— То-есть непонятныя? Заставьте понять себя. Не удастся—знайте, что вина здѣсь въ васъ, и покоритесь. Начните просто-людину толковать о квадратурѣ круга, или о еще какой-нибудь премудрости высшей математики, онъ тоже ничего не пойметъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что и самую эту науку слѣдуетъ отрицать. Конечно, отрицать легче, но не всегда... лѣпо.

„Вдумайтесь, какую, въ сущности, несообразность вы говорите: вы говорите, что въ Бога вѣруете, а въ загробную жизнь нѣтъ. Но Богъ не есть же Богъ мертвыхъ, но живыхъ. Иначе какой же это и Богъ? О жизни за гробомъ говорилъ Самъ Христосъ: неужели же Онъ говорилъ неправду? Но въ этомъ не могли обличить Его даже и Его злѣйшіе враги. И зачѣмъ тогда приходилъ и страдалъ Онъ, если намъ предстоитъ лишь разсыпаться въ прахъ?

„Нѣтъ, такъ нельзя. Это нужно непремѣнно, непремѣнно, вдругъ горячо заговорилъ онъ,—исправить. Вѣдь поймите, какъ это важно. Такая вѣра должна вѣдь совсѣмъ иначе освѣтить вашу жизнь, дать ей иной смыслъ, направить иначе всю вашу дѣятельность. Это цѣлый нравственный переворотъ. Въ этой вѣрѣ для васъ и узда, и въ то же время и утѣшеніе, и опора для борьбы съ неизбежными для всякаго человѣка житейскими невзгодами.

III.

Я понималъ всю логичность словъ почтеннаго Прохора Александровича, но, конечно, нѣсколько минутъ бесѣды не могли поселить во мнѣ вѣры въ то, во что я привыкъ не вѣрить, и разговоръ съ нимъ, въ сущности, послужилъ лишь къ обнаруженію моего взгляда на известное обстоятельство,—взгляда, котораго я самъ дотолѣ хорошо не зналъ, потому что высказывать его не приходилось, а раздумывать о немъ и подавно.

А Прохора Александровича, повидимому, серьезно взволновало мое невѣріе; онъ нѣсколько разъ въ теченіе вечера возвращался къ этой темѣ, и когда я собрался уходить отъ него, онъ наскоро выбралъ нѣсколько книгъ въ своей обширной библиотекѣ и, подавая ихъ мнѣ, сказалъ:

— Прочтите ихъ, и непременно прочтите, потому что такъ этого оставлять нельзя. Я увѣренъ, что разсудочно вы скоро поймете и убѣдитесь въ полной неосновательности вашего невѣрія, но надобно это убѣжденіе провести изъ ума въ сердце надо чтобы сердце поняло, а иначе оно продолжится у васъ часъ, день—и опять разлетится,—потому что умъ—это рѣшето, чрезъ которое только проходятъ разныя помышленія, а кладовая для нихъ не тамъ.

Я прочелъ книжки, не помню ужъ всѣ ли, но оказалось, что привычка была сильнѣе моего разума. Я признавалъ, что все написанное въ этихъ книжкахъ было убѣдительно, доказательно,—по скудости моихъ познаній въ религіозной области я и не могъ возразить чего-нибудь мало-мальски серьезнаго на имѣвшіеся въ нихъ доводы,—а вѣры у меня все-таки не явилось.

Я сознавалъ, что это не логично, вѣрилъ, что все написанное въ книгахъ—правда, но *чувства* вѣры у меня не было, и смерть такъ и оставалась въ моемъ представленіи абсолютнымъ финаломъ. человѣческаго бытія, за которымъ слѣдовало лишь разрушеніе.

Къ моему несчастію, случилось такъ, что вскорѣ послѣ означеннаго разговора съ Прохоромъ Александровичемъ я выѣхалъ изъ того городка, гдѣ онъ жилъ, и мы больше съ нимъ не встрѣчались. Не знаю, быть можетъ, ему, какъ человѣку умному и располагавшему обаяніемъ горячо убѣжденнаго человека, удалось бы хотя сколько-нибудь углубить мои взгляды и отношенія къ жизни и вещамъ вообще, и чрезъ это внести и нѣкоторое измѣненіе въ мои понятія о смерти,—но предоставленный самому себѣ и не будучи вовсе по характеру особенно вдумчивымъ и серьезнымъ молодымъ человѣкомъ, я нисколько не интересовался такими отвлеченными вопросами и, по своему легкомыслію, даже на первое время ни капельки не задумался надъ словами Прохора Александровича о важности недостатка въ моей вѣрѣ и необходимости избавиться отъ него.

А затѣмъ время, перемѣна мѣстъ, встрѣчи съ новыми людьми не только вывѣтрили изъ моей памяти и этотъ вопросъ, и бесѣду съ Прохоромъ Александровичемъ, но даже и самый образъ его, и мое кратковременное знакомство съ нимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).